

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 917-926.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.917
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of the Proletariat in the Russian Empire: to the Issue of Industrialization at the end of the XIX century

Svetlana S. Gorokhova ^{a,*}, Anna V. Popova ^a, Marianna G. Abramova ^b, Pavel V. Nikitin ^c

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

^c All-Russia state University of justice of the Ministry of justice of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of certain aspects of the socio-economic structure of the Russian Empire in the last decades of the XIX century. Realizing the complexity of the tasks to reflect all relevant characteristics of the social development of the state within one scientific article, the authors, have focused on: the status and level of technological development of the country; the development of large domestic industry; the specifics of the formation of the working class (proletariat), which was virtually unknown in agrarian Russia, its place and role in the renewal of the socio-economic sphere of public life and the state-legal development of the Russian Empire; the formation of a separate social cluster of women workers; the use of child labor in factory production and its significance for the development of industrial relations. The article reflects the main directions of the state policy of that period, aimed at achieving the competitiveness of the Russian economy in the world market. The authors conclude that the state policy of the tsarist government, as well as the measures taken by manufacturers and breeders in large-scale industrial production to strengthen the industrial development of the country, were significant and, of course, positive.

Keywords: socio-economic sphere of society, proletariat, industrialization, factory production, women's labor, worker's life.

1. Введение

Развитие Российской империи шло параллельно с развитием западноевропейской цивилизации, однако в экономической, социальной и политической сферах у России всегда был свой «особый путь». Признаваемые в качестве доктринальной основы западноевропейские теории в российской практике применялись уже в видоизмененном содержательном контексте, исходя из экономических и социально-политических особенностей конкретного исторического этапа развития России не только в целях упрочения своего места в ряду экономически развитых держав, но и завоевания главенствующей роли (Шульце-Геверниц, 1901). В связи с этим, начиная с XVIII в. в государственной политике России центральное место стала занимать торгово-промышленная сфера экономики, и особенно крупная промышленность, достигшая наивысшего развития в конце XIX в. Особенностью индустриализации конца XIX – начала XX вв. стала вовлеченность российского народного хозяйствования в торгово-промышленную и банковско-кредитную системы Западной Европы. Таким образом, в этот исторический период происходила своеобразная «европеизация» российского народного хозяйства в интересах усиления значимости Российской империи на политической и экономической карте мира.

Сами формы организации крупного фабричного производства Российской империи XIX в, по большому счету, были своеобразным симбиозом западноевропейских образцов промышленности

* Corresponding author

E-mail addresses: swettalana@yandex.ru (S.S. Gorokhova), anna0710@yandex.ru (A.V. Popova), abramova-m@mail.ru (M.G. Abramova), nikitinP2007@yandex.ru (P.V. Nikitin)

и форм «народного производства», носивших характер домашних крестьянских промыслов ([Handwörterbuch, 1909](#)). Российские производственные предприятия до эпохи «Великих реформ» 1860–1870-х гг. следует разграничить по двум основным категориям – помещичьи (частновладельческие) и посессионные (казенные и полуказенные, находящиеся под правительственным надзором). Различие между ними обуславливалось исключительно характером существовавших крепостных отношений, достигшим к этому моменту своего исторического апогея. Изменение правового статуса российских крестьян после 1861 г. ([Высочайший манифест, 1861](#)), возможность получения ими земельной собственности привели к массовому исходу крестьян из казенных и полуказенных предприятий в деревни, что в свою очередь вызвало серьезный кризис крупной промышленности ([Фабрично-заводская промышленность, 1896: 90](#)).

2. Материалы и методы

2.1. При проведении исследования использовался достаточно широкий массив исторических исследований и статистических материалов, относящихся к рассматриваемому периоду, в частности: источники российского права; документы Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов Российской империи (1896–1917 гг.); Министерства внутренних дел Российской империи (1897–1905 гг.); сборники статистических сведений по Московской, Владимирской губерниям касательно отдельных аспектов социально-экономической и санитарно-гигиенической обстановки (1877–1903 гг.); материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г.; бюджетные росписи (1896–1899 гг.); отчеты фабричных инспекторов И.И. Янжула, П.А. Пескова и др. (1896–1905 гг.), а также труды дореволюционных зарубежных и российских мыслителей по исследуемой теме.

2.2. Раскрытие выбранной темы осуществлялось посредством применения системы общепhilosophических, общенаучных, частнонаучных и специальных методов научного исследования. Так, диалектический метод использовался при анализе государственно-правового и социально-экономического развития Российской империи конца XIX–XX вв.; исторический и статистический методы, метод сравнительного анализа – при изучении вопросов государственной политики царского правительства, мер по организации труда и быта рабочих, предпринимаемых отдельными фабрикантами и заводчиками в Московской и Владимирской губерниях; организации женского труда и обучения детей рабочих в целях формирования профессионального класса пролетариата России.

3. Обсуждение

Советская традиция оценки государственно-правового развития Российской империи исходила из критического анализа существующей ситуации при акцентировании внимания на негативных сторонах трансформации общественных отношений, определяя именно этим причины формирования революционной ситуации в 1905–1917 гг. ([Рожков, 2010](#); [Струмилин, 1944](#); [Струмилин, 1960](#); [Струмилин, 1967](#); [Яцунский, 1952](#)). В конце 1990-х гг. подобная практика потеряла свою актуальность и появился ряд исследований, уже не так критично оценивающих пореформенную ситуацию, описывая и позитивные тенденции в периодах правления последних монархов, а в ряде случаев, идеализируя эпоху абсолютной монархии на контрасте с советской реальностью ([Пермь и Пермская губерния, 2016](#); [Волошинова, 2013](#)). Так, М.А. Фельдман, определяя главенствующее значение для промышленной революции перехода от мануфактурного производства к фабрично-заводскому, полагает, что технически и технологически российская уральская металлургическая промышленность становится в один ряд с промышленно развитыми странами Западной Европы не в начале XX в., а только в период сталинской индустриализации ([Фельдман, 2005: 177, 180](#)). М.Г. Нечаев утверждает, что залогом технического развития России в конце XIX в. следует считать события всего XIX в. в России (победа в Отечественной войне 1812 г., Великие реформы 1860–1870 гг. и др.), приведших к «квазифеодальному феномену XIX века», но не состоявшихся как «квазикапиталистические» ([Нечаев, 2016: 31](#)). Подобные разрозненные оценки в научной литературе актуализируют обращение к истории социально-экономического развития нашей страны в конце XIX в. на основе юридических документов, оценок свидетелей исторических событий и анализа научной литературы по исследуемому периоду.

4. Результаты

Вплоть до середины XIX в. новых технологических решений в российском промышленном производстве практически не внедрялось, что сказалось на развитии торгово-промышленных связей с зарубежными странами. Так, практически полностью прекратился существовавший ранее вывоз продуктов промышленности, например льняных тканей в Европу, сукна в Китай, хотя еще в начале XIX в. 1/3 всей продукции льняной и паруснополотняной промышленности вывозилась в Западную Европу, а также немалое количество и в Америку ([Туган-Барановский, 2015: 68](#)). Такая же ситуация сложилась по экспорту железа: если в начале XIX в. в процентном отношении его вывоз составлял 13 % от всех экспортных показателей, то с 1820-х, а еще больше с 1840-х гг. – уже меньше 10 %. И это несмотря на то, что к заводам и фабрикам на Урале, относящимся к железно-рудной промышленности, было приписано 177 тыс. душ мужского пола, выделено 15 млн руб. в

беспроцентную ссуду да еще предоставлены в пользование огромные территории лесных массивов (Булдыгин, 2017: 91–92). Тем не менее регресс продолжался, и причина такого положения заключалась, безусловно, в техническом и технологическом отставании Российской империи от европейских экономически-развитых держав, которые уже в конце XVII–XVIII вв. в значительной степени технологизировали производство, освоив выплавку железной руды с применением угля и заменив, к примеру, в текстильной индустрии ручной труд машинным, чем существенно снизили цены на производимую продукцию (Муравьева, 2017), хотя к железным промыслам Урала это может быть отнесено в меньшей степени.

К началу XIX в. отдельным отраслям российской промышленности удалось достичь значительных успехов, примером чего может служить хлопчатобумажная промышленность, которая, хотя изначально и не была объектом государственного попечения, однако уже к концу XIX в. превратилась в главенствующую отрасль российской экономики, оказывавшую наибольшее влияние на народно-хозяйственную жизнь страны в целом. Так, в статистическом отчете о заводской и фабричной промышленности во Владимирской губернии (Свирский, 1890: 8) отмечалось, что, строго говоря, в ней существовали только три отрасли промышленности: обработка хлопка, льна и стекла. При этом на 393 губернские фабрично-заводские предприятия приходилось 139 фабрик, занятых обработкой хлопка, и это не считая кустарной промышленности данного вида. Значение указанной сферы производства также видно из следующих цифр: в 1880-х гг. 85 % всех фабричных рабочих Московской губернии были заняты в прядильно-ткацкой промышленности, 70 % (с учетом красильно-набивного дела) – в хлопчатобумажной (Сборник..., 1877–1903: 20–21; 27).

Промышленно-экономическое развитие Российской империи можно проиллюстрировать сведениями из первой сформированной для Николая II бюджетной росписи на 1895 г., в которой приводились весьма наглядные цифры. Следует отметить, что в руках Правительства Российской империи удалось сосредоточить значительные объемы ресурсов. Так, к началу января 1881 г. золотой запас составлял 291,1 млн руб., к 30 августа 1892 г. – уже 603,7 млн руб., а к 15 декабря 1894 г. – 649,5 млн руб. В период 1881–1893 гг. производство чугуна повысилось на 160 % (с 27,3 до 70,8 млн пудов), выплавка стали – на 59,3 % (с 18,7 до 59,3 млн пудов), добыча угля – на 129 % (с 200,9 млн пудов до 460,2), добыча нефти возросла на 1475 %; производство хлопка выросло с 906 000 пудов в 1887 г. до 3,8 млн пудов в 1892 г. (Общая государственная роспись, 1895).

Вслед за промышленным ростом стал наблюдаться и подъем аграрного сектора экономики. Так, в 1894 г. было собрано более 332 млн четвертей хлебных злаков, против усредненного урожая в 263 млн четвертей в 1881–1887 гг. Ускоренными темпами шло железнодорожное строительство, и если к началу 1881 г. протяженность путей составляла 21 226 верст, то к 1 января 1894 г. – уже 33 869 верст, что повлекло за собой развитие международной торговли, к 1893 г. экспорт товаров начал превалировать над импортом – 614 млн руб. и 463 млн руб. соответственно (Общая государственная роспись, 1895). Следует констатировать, что завершающие десятилетия XIX в. стали эпохой впечатляющего развития промышленного комплекса Российской империи, когда по темпам наращивания промышленной продукции в среднегодовом исчислении она обогнала все страны европейского региона, начав конкурировать в стремительности промышленного роста с США.

Однако, несмотря на все вышеперечисленные успехи, Россия по-прежнему была более аграрной, нежели индустриальной державой. О правомерности такого вывода, в числе прочего, говорит тот факт, что перепись населения, проведенная в 1897 г. (Первая всеобщая перепись, 1897–1905), горожан насчитала 16 604 086 «душ наличного населения обоого пола» (Первая всеобщая перепись, 1897: 36), что составляло чуть более 13 % от всех проживавших на тот момент на территории Российской империи подданных (130 млн). В силу, в том числе и этого обстоятельства, период создания крупных промышленных предприятий в России, очевидно, характеризовался не только быстрым ростом их числа, но и специфическими проблемами, существенным образом отличавшими отечественную социально-экономическую ситуацию от западноевропейской.

Так, дореволюционные исследователи утверждали, что западная культура (и экономика) жидется на эксплуатации рабочего пролетариата, тогда как в России этого нет и быть не может по той простой причине, что у нас отсутствует пролетариат в том смысловом содержании, о котором принято говорить в Европе, поскольку любой российский подданный, хотя бы и рабочий на фабрике, обладал и пользовался естественным правом на родную землю, поэтому фабричный труд воспринимался им не как основная профессия, а только лишь как подспорье к земледельческому труду (Михайловский, 1893: 274). Таким образом, системное различие в правовых статусах рабочих в России и Западной Европе детерминировалось тем, что «рабочий еще не лишился связи с землей» (Полянская, 2003: 115), т.е. он продолжал быть все тем же крестьянином, членом сельской общины, и лишь временно изыскивал заработок в промышленности. Действительно, летом заработная плата в промышленности повышалась на 10–20 % относительно зимних расценок. Даже при наплыве работы общее число работников летом составляло 70–80 % от их численности зимой, т.е. во время уборки хлеба многие фабрики останавливались вообще из-за того, что рабочие уходили в деревни и села (Янжул, 1884: 86–91). На уровень заработной платы в промышленности существенное влияние оказывал размер прошлогоднего урожая, ведь при хорошем урожае крестьянин имел средства к

существованию и поэтому не искал подобного заработка на фабриках, и наоборот, чем хуже урожай, тем больше потребность в рынке труда и, соответственно, ниже заработная плата (Rosenberg, 1895: 114). Фабричный инспектор Д.И. Шишмарев в своем отчете отмечал, что заработная плата ткача во Владимирской губернии была от 9,5 до 14 руб. в месяц, в то время как на Раменской фабрике под Москвой в начале 1893 г. зарплата прядильщика составляла 24–25 руб. в месяц, а ткача, работающего одновременно на двух станках, – 16–20 руб. (Шишмарев, 1892: 63), то есть заработная плата фабричных рабочих в конце XIX в. в центральных губерниях царской России была в 2–5 раз ниже, чем, например, в Англии (67–70 руб. в месяц) или США (96 руб. в месяц) (Янжул, 1884: 86–91: 114–116). Однако эти цифры все-таки нельзя до конца считать показательными, поскольку, с одной стороны, на многих фабриках рабочие получали часть заработной платы натуральным продуктом (к тому же многие имели определенный доход от занятий сельским хозяйством), с другой – значительная часть заработной платы работников различными «окольными» путями вновь возвращалась фабрикантам. Так, например, фабричный инспектор по делам малолетних рабочих, И.И. Янжул отмечал, что на многих фабриках устанавливались произвольные вычеты за оставление работником фабрики ранее установленного договором срока. При этом размер их колебался от лишения 6-дневного заработка до лишения оплаты за 6-недельный срок, предшествующий уходу работника (Янжул, 1844: 77–78). На отдельных предприятиях заработная плата выдавалась всего один раз в полугодие, да и то только в том объеме, который считался необходимым для уплаты начисляемых податей. Предполагалось, что все остальные потребности могут быть удовлетворены работником посредством отоваривания в фабричной лавке в кредит (в счет заработной платы). Там же, где фабрики не имели собственных лавок, работникам часто назначали лавку, в которой они должны были покупать по явно завышенным ценам. При этом лавочники обязывались возвращать фабрикантам 15 % в виде скидки со всей суммы закупок (Янжул, 1844: 92–106). В 1890-х гг. над фабричными лавками был законодательно установлен контроль фабричных инспекторов, но, несмотря на это, по свидетельствам современников, ситуация с ценообразованием в них изменилась мало (Эрисман, 1893: 6–10).

Кроме того, на фабриках и заводах практиковалась весьма разнообразная система штрафов (размер, основания), которые хозяева и (или) администрация фабрики могли применять по отношению к рабочим по своему собственному усмотрению. Так, например, некоторые фабрики устанавливали штрафы для красильщиков и ткачей, которые вздумали бы за чем-то сходить в слесарно-столярную мастерскую, котельную или паровую; для мальчиков, затевающих драку на фабрично-дворе; для распевающих песни в рабочие дни; для холостых за поход в гости в семейные помещения и др. (Янжул, 1844: 84). И это при том, что ст. 107 «Устава о промышленности фабричной и заводской» (Устав о промышленности..., 1879) устанавливала возможность подвергать штрафным санкциям рабочих только в случае прогула или же нанесения вреда хозяину.

Наряду с низкой заработной платой, в среднерусском промышленном районе фабричными инспекторами отмечалась и большая продолжительность рабочего дня. П.А. Песков, к примеру, в рамках отчетности в качестве фабричного инспектора во Владимирском уезде отмечал, что на ткацких фабриках рабочий день длится 12–15 часов (Песков, 1884: 94). На красильных фабриках Московской губернии И.И. Янжул сталкивался с продолжительностью рабочего дня, в ряде случаев превышающую 16 часов (Янжул, 1844: 38). Опять же во Владимирском промышленном районе на рогожных, парусо-полотняных, спичечных и других фабриках, по данным В.В. Святловского, в подавляющем большинстве случаев рабочий день длился 16–18 часов (Святловский, 1923: 150). По его мнению, это было вызвано тем, что с момента развития машинного производства для непрерывной работы машин требовался и соответствующий людской труд, но разделенный на несколько смен. Первоначально сутки просто делились на две части – дневную и ночную смены. Затем деление усложнилось – стали применять 3–4 сменную систему (Святловский, 1923: 150–151).

И.И. Янжул описывал работу на московских рогожных фабриках, где производство было ручным и организовывалось по типу светелочной системы, причем по большей части каждые 2 взрослых нанимались вместе с 2 детьми (многие из них были младше 10 лет). Они работали фактически непрерывно днем и ночью, оставляя себе для сна только 2–3 часа через каждые 7–9 часов работы. Как образно высказался один из владельцев рогожной фабрики, к Пасхе и прекращению работы на лето все «рогожники» так ослабевают, что их «ветром качает» (Янжул, 1844: 44). На крупных московских фабриках распределение рабочего времени по сменам было несравненно лучше: работники трудились, как правило, двумя сменами, разделенными на две полусмены, то есть «шесть через шесть» часов. И даже невзирая на то, что такое распределение рабочего времени медиками того времени осуждалось, как не дающее достаточно отдыха в пересменах, все же, как отмечает И.И. Янжул, такой вариант был, несомненно, лучше, чем система, применяемая в конце XIX в. почти на всех суконных фабриках, работающих в две смены: дневная смена длилась с 4.30 до 20.00 (т.е. 15,5 часов), из которых 1,5 часа (в два приема) предусматривалось на перерывы в работе; ночная – с 20.00 вечера до 4.30, составляя 8,5 часов. При этом ночные работники должны были еще выйти на подмену дневной смены в перерывы, отведенные ей на отдых – два раза в течение рабочего дня (Янжул, 1844: 42).

Помимо высокой продолжительности рабочего дня и низкой заработной платы, еще более ухудшила положение фабричных рабочих существовавшая практика побоев, оправдываемая тем, что по закону телесное наказание вполне было применимо к крестьянам, а происхождение большинства работников фабрики было крестьянским. Грамотность фабричных работников также оставляла желать лучшего, поэтому условия договора найма, как правило, определялись односторонне предпринимателем в соответствии с установленными им условиями и расценками, которых нанимающийся не знал и не мог прочитать (Песков, 1884: 71). Кроме того, в соответствии со ст. 1358 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение) деяния, выразившиеся в прекращении работы на фабриках или заводах в связи со стачкой рабочих, устроенной в целях понуждения фабрикантов к увеличению оплаты труда или изменению условий трудового договора о найме, виновные лица могли быть подвергнуты тюремному заключению от 4 до 8 месяцев (для подстрекателей) и от 2 до 4 месяцев для всех остальных (Уложение о наказаниях..., 1890: 348). Справедливости ради стоит отметить, что в ст. 1359 Уложения устанавливалась ответственность и для фабрикантов, в том случае, если они до завершения срока трудового контракта, оговоренного с работником, самовольно понизят трудящимся плату, а равно, если станут принуждать к получению оплаты не деньгами, а товарами, продуктами и др.

По свидетельству иностранных исследователей особое отношение к рабочим со стороны фабрикантов было продиктовано «непостоянством русских и их отвращением к фабрике и машинам, свойственное всем выходцам из сельской местности», когда крестьяне, поневоле становящиеся рабочими, ненавидят и презирают фабрику, исключительно под давлением крайней нужды берутся за машину, т.к. «только голод заставляет их работать» (Шульце-Геверниц, 1901: 116). Такой спецификой рабочих, по его мнению, объяснялась практика удержания рабочих на российских фабриках, даже против их воли, включая обустройство казарм на территории предприятия, что, естественно, увеличивало издержки производства. Достаточно часто применялся и запрет уходить после окончания работы с территории фабрики, поскольку имелись обоснованные опасения на тот счет, что рабочие, покинув фабрику на ночь, просто не вернутся утром назад. Другим средством удержать рабочих при фабрике служил долгосрочный контракт: чаще всего наем на фабрики и заводы производился с 1 октября (времени окончания полевых работ) и до Пасхи и затем после пасхального праздника, длящегося несколько недель, до октября (Менделеев (ред.), 1883: 274-279).

Наем на длительный период (полгода или год) также был не совсем удобен промышленникам, так как не давал возможности скорректировать численность рабочих, основываясь на колебаниях конъюнктуры рынка. Однако имеются данные, что устройство жилищ для рабочих, как и долгосрочный наем, даже при том, что нарушение его условий влекло для работника значительные удержания из заработной платы, не во всех случаях достигали цели. Например, в Харьковском фабричном округе за 1881–1882 гг. в сахарном производстве число ушедших раньше окончания срока контракта рабочих достигало 12 % (Rosenberg, 1885: 113). Поэтому российские предприниматели той эпохи даже на лучших фабриках имели некоторое количество запасных рабочих на случай несвоевременного ухода основных работников. Таким образом, несмотря на свободу договорных отношений, провозглашенную вместе с освобождением крестьян во второй половине XIX в., фабричный труд имел все характеристики несвободного. И более того, даже эта фиктивная свобода труда соблюдалась плохо, поскольку, например, сельская община могла отдать своих недоимщиков в наем подрядчикам или на фабрику, так как это часто являлось единственным средством избавиться от недоимок, за которые община была ответственна круговой порукой и за которые могло быть применено телесное наказание.

Следует также сказать и еще об одной проблеме, характеризующей трудный процесс формирования рабочего класса в России, связанной с несовместимостью патриархальной семьи и новых условий экономической жизни. На фабрики и заводы женщин нанимали крайне редко, но и там, где они начинали работать, семейную жизнь было осуществлять затруднительно из-за отсутствия сколько-нибудь соответствующих жилищных условий (Свирский, 1890: 63). Жилые помещения рабочих в последних десятилетиях XIX в. подверглись тщательному изучению как со стороны земств, так и по заданию правительственных учреждений (Эрисман, 1893; Песков, 1884; Любимский, 1883), и тогда исследователи отмечали, что об этом нельзя сказать ничего утешительного.

Однако, как отмечает В.Ф. Свирский, уже к концу XIX в. стали появляться новые, гораздо более удобные фабричные помещения для рабочих. В качестве примера он называл фабричный опыт В. Морозова с сыновьями, которые строили новые спальни, каменные, «вдали от фабрик, снабженные вентиляцией, широкими коридорами и несгораемыми лестницами; в них наблюдается достаточная чистота и остается лишь пожелать, чтобы они населялись не столь скученно» (Свирский, 1890: 66-67). Еще лучше устраивались новые спальни на фабриках товарищества мануфактуры Барановых и при фабрике товарищества В.О. Куваевой в Иванове, где спальня помещения, кроме усовершенствованного устройства вентиляции, обладали пневматическими отхожими местами с непроницаемыми металлическими выгребными. На гусевских заводах и фабриках, принадлежащих Ю.С. Нечаеву-Мальцову, использовались одиночные домики с отдельными палисадниками и сараями, где содержалась домашняя птица, иногда корова. В таких домиках помещалось 2–4 рабочих

семейства. Для холостых же рабочих были устроены несколько небольших 2-этажных казарм. Система отдельных домиков (изб), применяемая на гусевских заводах, отражала повсеместно существующий на стеклянных заводах порядок. Этому благоприятствовало расположение заводов в ненаселенных местах, чаще всего в лесу, где много свободной земли, строевой материал дешев, а само население заводов не велико (Свирский, 1890).

Как видно из приведенных выше примеров, политика царского правительства, выражавшаяся в установлении постоянного фабричного контроля за условиями труда и жизни рабочих, а также проникновение в идеологическую среду российской интеллигенции марксистских идей и общегуманистических начал привели к существенным изменениям в данной сфере на отдельных, наиболее крупных производствах, что в последующем могло и должно было распространиться на все промышленное производство в Российской империи.

Формирование пролетариата шло по пути не только высвобождения его из крестьянского хозяйства, но и благоустройства быта, когда на фабрике делалась возможной полноценная семейная жизнь, что в свою очередь повлияло и на создание условий для распространения женского труда. Так, на московских хлопчатобумажных фабриках в 1880-х гг. число работниц составляло 42,9 % от общего числа занятых (для сравнения, в Англии того же времени женщин, занятых на производстве, было соответственно 62 %) (Шульце-Гевеиц, 1901: 128). Приблизительно такая же ситуация имела место и во Владимирском уезде, где в 1890 г. общее число рабочих на фабриках, заводах и проч. промышленных заведениях достигало 95 460 человек, в том числе 59 908 мужчин, 32 914 женщин и 2 638 малолетних (моложе 15 лет) (Свирский, 1890: 55). Следует заметить, что по отчетам фабричных инспекторов в тех отраслях промышленного производства, где женский труд получил значительное распространение, рабочие были более склонны к оседлости, постоянному месту работы, а значит и повышению своих профессиональных навыков.

Кроме того, необходимость дальнейшего обустройства семейного быта рабочих на фабриках и заводах приводит к необходимости строительства родильных приютов, ясель, фабричных школ для обучения детей, а также законодательного регулирования и защиты детского труда. Так, для удовлетворения потребности в образовании фабричного населения во Владимирской губернии в 1890 г. было 36 училищ с 4 294 учениками, т.е. на 249 рабочих приходилась 1 школа. Для сравнения, в 1882 г. в том же уезде училища имелись на только 27 фабриках, при числе обучающихся – 3 177 человек. Такая же тенденция имела место во всех промышленно развитых регионах России. Для оказания фабричному населению медицинской помощи во Владимирском промышленном районе в 1890 г. имелось 85 приемных покоев и больниц с 1 135 койками, включая сюда койки родильных отделений и богаделен, в среднем 1 койка на 84 работника (Свирский, 1890: 60-63).

Эти изменения в первую очередь были выгодны фабрикантам, которые констатировали, что дети, выросшие при фабрике и прошедшие фабричную школу, осваивали трудные работы в 10 раз быстрее (3–4 месяца против 3–4 лет). Г. Шульце-Гевеиц писал, что сокращение продолжительности рабочего дня ни оказывало никакого влияния на производительность труда рабочих-крестьян, в то время как подобное же сокращение для рабочих, родившихся на фабрике, повышало интенсивность их труда – факт общеизвестный в Западной Европе (Шульце-Гевеиц, 1901: 180). Подлинного формирования рабочего класса в конце XIX в., несмотря на все предпринимаемые меры, достичь все-таки не получилось, в том числе и из-за паспортной и податной зависимости рабочего от сельской общины. Не было предусмотрено обеспечение лиц, получивших увечья или профессиональные болезни, а также пожилых, не способных уже работать на производстве, которые были вынуждены возвращаться в деревни и села, хотя уже начали строиться лечебницы на крупных фабриках, отвечавших последним требованиям того времени. В целом эти социальные изменения улучшали качество жизни рабочих, и в итоге постепенно на место «фабричного номада» стал приходить специально обученный, связанный с производством трудящийся.

4. Заключение

Исследование социально-экономических факторов, влияющих на общую ситуацию в Российской империи в конце XIX в., показало, что на фоне значительной технологической отсталости производства, неоднозначности Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. страна постепенно добивалась значительных успехов в своем экономическом развитии: повышались и становились конкурентоспособными темпы экономического роста; медленно, преодолевая значительные трудности, все же появлялась крупная индустрия; улучшалось положение трудящихся, менялся их гендерный состав. Создание условий для ведения быта рабочих на фабриках и заводах, организация ясель, фабричных школ, лечебниц и др. способствовало формированию пролетариата как профессионального рабочего класса, способного к взаимодействию с новыми реалиями технологического производства.

Литература

Булдыгин, 2017 – Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 91-95. DOI: 10.17223/15617793/420/12

Волошинова, 2013 – Волошинова И.В. Особенности системы горнозаводского образования на Урале в первой половине XIX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7 (33): В 2 ч. Ч. I. С. 45-49.

Высочайший манифест, 1861 – Высочайше утвержденный Его Императорским Величеством 19 февраля 1861 года положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. СПб., 1861. С. 1-8. [2-я паг.]

Любимский, 1893 – Любимский С.В. Санитарное исследование фабричных заведений Владимирского и Ковровского уездов с планами фаб. заведений, сводными табл. и подлинными цифрами измерения роста и объема груди рабочих всех фаб. заведений. Владимир-на-Клязьме: Типолит. Губ. земск. Управы. 1893. 460 с.

Менделеев (ред.), 1893 – Фабрично-заводская промышленность и торговля России / Под ред. Д.И. Менделеева; Всемир. Колумбова выст. 1893 г. в Чикаго. Санкт-Петербург: Деп. торг. и мануфактур М-ва фин., 1893. 351 с.

Михайловский, 1893 – Михайловский Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. С.-Петербург: Деп. торг. и мануфактур М-ва фин., 1893. 351 с.

Муравьева, 2017 – Муравьева Л.А. Экономическое развитие России во второй половине XIX – начале XX века // *Международный бухгалтерский учет*. 2017. Т. 20. № 21. С. 1271-1286. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.20.21.1271>

Нечаев, 2016 – Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России, или «Фабричная лихорадка» первой половины XIX века // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*. 2016. № 4. С. 5-38.

Общая государственная роспись, 1895 – Общая государственная роспись доходов и расходов на 1895 год / Министерство финансов Российской империи. Библиотека «Исторический бюджет» Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/41> (дата обращения: 08.02.2021).

Первая всеобщая перепись, 1897–1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1897–1905. 84 с.

Первая всеобщая перепись, 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [Вып. 2]: Население городов по переписи 28-го января 1897 года. В подзаг.: Сост. Центр. стат. ком. на основании местных подсчетных ведомостей. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1897–1905. 42 с.

Пермь и Пермская губерния, 2006 – Пермь и Пермская губерния на страницах столичных газет «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» // *Смышляевский сборник: Исследования и материалы по истории и культуре Перми*. 2006. Вып. 7 / Центр. гор. б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева); Сост. и ред. Т.И. Быстрых. Пермь, 2016. С. 159-222.

Песков, 1884 – Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии: Отчет за 1882–1883 г. фаб. инспектора над занятиями малолетних рабочих Владим. окр. / [Соч.] П.А. Пескова. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1884. 136 с.

Полянская, 2003 – Полянская Ю.М. Классические маргинальные слои в социальной структуре Москвы второй половины XIX в. // *Экономическая история. Обзорение* / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 9. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 113-121.

Рожков, 2010 – Рожков Н.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 736 с.

Сборник..., 1902 – Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. М.: Издание Московского губернского земства, 1877–1902 (Тип. М.Н. Лаврова). 26 см.

Свирский, 1890 – Свирский В.Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии / Сост. техн. Владимир. губ. зем. управы, инж.-технол. В.Ф. Свирский. Владимир-на-Клязьме: Владимир. губ. зем. управа, 1890. 198 с.

Святловский, 1923 – Святловский В.В. История экономических идей в связи с историей экономического быта / Проф. В.В. Святловский. М.: Мир, 1923. 397 с.

Струмилин, 1967 – Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1967. 442 с.

Струмилин, 1960 – Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. 548 с.

- Струмилин, 1944** – Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М.: Госполитиздат, 1944. 48 с.
- Уложение о наказаниях..., 1882** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: (Дополнено по Продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям): С разъяснениями по решениям кассац. деп. Правит. сената. 9-е изд., испр. и доп. [Санкт-Петербург], 1882. 783 с.
- Устав о промышленности..., 1879** – Устав о промышленности фабричной и заводской: Изд. 1879 г. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, [1879]. 68 с.
- Фабрично-заводская промышленность, 1896** – Фабрично-заводская промышленность и торговля России. Издание 2-е. Исправленное и дополненное. С.-Петербург: Типография И.А. Ефрона, 1896. 636 с.
- Фельдман, 2005** – Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: к вопросу о сроках завершения // Отечественная история. 2005. № 4. С. 167-178.
- Шишмарев, 1892** – Шишмарев Д.И. Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской жел. дор.: Изд. в пользу и на средства Кассы взаимопомощи при Нижегород. ж. д., при содействии мест. фабрикантов / Д.И. Шишмарев. Санкт-Петербург, 1892. 93 с.
- Шульце-Геверниц, 1901** – Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России / Д-р Герхарт фон Шульце-Геверниц, проф. Ун-та в Фрейбурге; пер. с нем. под ред. Б.В. Авилова и П.П. Румянцева, с предисл. Петра Струве. СПб.: [Типо-лит. А. Лейферта], 1901. 506 с.
- Эрисман, 1893** – Эрисман Ф.Ф. Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губернии: По исслед., сдел. по поруч. Моск. Губ. земск. собр. / Ф.Ф. Эрисман. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1893. 54 с.
- Янжул, 1884** – Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882–1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа / [соч.] И.И. Янжула. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 144 с.
- Яцунский, 1952** – Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 48-70.
- Handwörterbuch, 1909** – Handwörterbuch der staatswissenschaften / Herausgeg. Von J. Conrad, L. Elster, W. Lexis, Edg. Loening. Dritte ganzlich umgearbeitete Auflage. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1909–1911. Band 1. 1909. 1232 p.
- Rosenberg, 1895** – Rosenberg G.J. Die Frbeitenrschutzgebund in Russland. Leipzig. 1895.

References

- Buldygin, 2017** – Buldygin, S.S. (2017). Kontseptsiya promyshlennoi revolyutsii: ot poyavleniya do nashikh dnei [The concept of the industrial Revolution: from the appearance to the present day]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 420: 91-95. DOI: 10.17223/15617793/420/12 [in Russian]
- Erismann, 1893** – Erismann, F.F. (1893). Pishchevoe dovol'stvie rabochikh na fabrikakh Moskovskoi gubernii [Food allowance of workers in the factories of the Moscow province: According to research, done. on request]. Po issled., sdel. po poruch. Mosk. Gub. zemsk. sobr. M. : Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K°, 54 p. [in Russian]
- Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1896** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Factory industry and trade in Russia] Izdanie 2-e. Ispravlennoe i dopolnennoe. St.-Peterburg: Tipografiya I. A. Efrona, 1896, 636 p. [in Russian]
- Fel'dman, 2005** – Fel'dman, M.A. (2005). Promyshlennyy perevorot na Urale: k voprosu o srokakh zaversheniia [The industrial revolution in the Urals: to the issue of completion dates]. *Otechestvennaia istoriia*. 4: 167-178. [in Russian]
- Handwörterbuch, 1909** – Handwörterbuch der staatswissenschaften. Herausgeg. Von J. Conrad, L. Elster, W. Lexis, Edg. Loening. Dritte ganzlich umgearbeitete Auflage. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1909–1911. Band 1. 1909. 1232 p.
- Lyubimskii, 1893** – Lyubimskii, S.V. (1893). Sanitarnoe issledovanie fabrichnykh zavedenii Vladimirskogo i Kovrovskogo uezdov s planami fab. zavedenii, svodnymi tabl. i podlinnymi tsiframi izmereniya rosta i ob"ema grudi rabochikh vsekh fab. Zavedenii [Sanitary research of factory establishments of the Vladimir and Kovrov uyezds with plans of fab. institutions, summary tables and true figures for measuring the height and volume of the breast of workers of all fabs. Institutions] Vladimir na Klyaz'me: tipo-lit. Gub. zemsk. Upravy, 460 p. [in Russian]
- Mendeleev (ed.), 1893** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Factory industry and trade in Russia]; Vsemir. Kolumbova vyst. 1893 g. v Chikago, Sankt-Peterburg: Dep. torg. i manufaktur M-va fin., 1893, 351 p. [in Russian]
- Mikhailovskii, 1893** – Mikhailovskii, Ya.T. (1893). Zarabotnaya plata i prodolzhitel'nost' rabochego vremeni na fabrikakh i zavodakh. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii [Wages and the duration of working time in factories and factories. Factory industry and trade of Russia]. St. Peterburg: Dep. torg. i manufaktur M-va fin., 351 p. [in Russian]

Murav'eva, 2017 – *Murav'eva, L.A.* (2017). Ekonomicheskoe razvitie Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Economic development of Russia in the second half of the XIX-early XX century]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët.* 20(21): 1271-1286. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.20.21.1271> [in Russian]

Nechaev, 2016 – *Nechaev, M.G.* (2016). V poiskakh istokov promyshlennoi revolyutsii v Rossii ili «Fabrichnaya likhoradka» pervoi poloviny XIX veka [In search of the origins of the industrial Revolution in Russia or the "Factory Fever" of the first half of the XIX century]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* 4: 5-38. [in Russian]

Obshchaya gosudarstvennaya rospis', 1895 – Obshchaya gosudarstvennaya rospis' dokhodov i raskhodov na 1895 god [General State painting of income and expenses for 1895]. Ministerstvo Finansov Rossiiskoi Imperii Biblioteka "Istoricheskii byudzhët" Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii. [Electronic resource]. URL: <https://historylib.minfin.ru/items/show/41> (date of access: 08.02.2021). [in Russian]

Perm' i Permskaya guberniya, 2006 – Perm' i Permskaya guberniya na stranitsakh stolichnykh gazet «Golos» i «Sankt-Peterburgskie vedomosti» [Perm and Perm Province on the pages of the capital newspapers "Golos" and "St. Petersburg Vedomosti"]. Smyshlyaevskii sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi, 2006, Is. 7 / Tsentr. gor. b-ka im. A. S. Pushkina (Dom Smyshlyaeva); sost. i red. T.I. Bystrykh. Perm', 2016, pp. 159-222. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda. [The first General Census of the population of the Russian Empire in 1897] [Vyp. 2]: Naselenie gorodov po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda. V podzag. : Sost. Tsentr. stat. kom. na osnovanii mestnykh podschetnykh vedomostei, St.-Peterburg: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1897–1905, 42 p. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya perepis', 1897-1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. Pod red. N. A. Troinitskogo, SPb: Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1897–1905, 84 p. [in Russian]

Peskov, 1884 – *Peskov, P.A.* (1884). Fabrichnyi byt Vladimirskoi gubernii : Otchet za 1882-1883 g. fab. inspektora nad zanyat'yami maloletnikh rabochikh Vladim. okr. [Factory life of the Vladimir province : Report for 1882-1883, fab. inspector over the occupations of young workers of Vladimir okr.]. St.-Peterburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 36 p. [in Russian]

Polyanskaya, 2003 – *Polyanskaya, Yu.M.* (2003). Klassicheskie marginal'nye sloi v sotsial'noi strukture Moskvy vtoroi poloviny XIX v. [Classic marginal layers in the social structure of Moscow in the second half of the XIX century. Review]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie.* Pod red. L. I. Borodkina. Is. 9. Moscow: Izd-vo MGU, pp. 113-121. [in Russian]

Rosenberg, 1895 – *Rosenberg, G.J.* (1895). Die Erbeitenrschutzgebund in Russland. Leipzig.

Rozhkov, 2010 – *Rozhkov, N.A.* (2010). Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 736 p. [in Russian]

Sbornik..., 1902 – Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii. Otdel sanitarnoi statistiki [Collection of statistical data on the Moscow province. Department of Sanitary Statistics]. Moscow: Izdanie Moskovskago gubernskago zemstva, 1877–1902 (Tip. M. N. Lavrova), 26 sm. [in Russian]

Shishmarev, 1892 – *Shishmarev, D.I.* (1892). Kratkii ocherk promyshlennosti v raione Nizhegorodskoi i Shuisko-Ivanovskoi zhel. dor. Izd. v pol'zu i na sredstva Kassy vzaimopomoshchi pri Nizhegor. zh. d., pri sodeistvii mest. fabrikantov [A brief sketch of industry in the area of the Nizhny Novgorod and Shuisko-Ivanovskaya railway: Ed. in favor of and at the expense of the Mutual Aid Fund at the Nizhny Novgorod Railway, with the assistance of local manufacturers]. SPb, 93 p. [in Russian]

Shul'tse-Gevernits, 1901 – *Shul'tse-Gevernits, G.* (1901). Ocherki obshchestvennogo khozyaistva i ekonomicheskoi politiki Rossii [Essays on the social economy and economic policy Russia] pod red. B.V. Avilova i P.P. Romyantseva, s predisl. Petra Struve. SPb: [Tipo-lit. A. Leiferta], 506 p. [in Russian]

Strumilin, 1944 – *Strumilin, S.G.* (1944). Promyshlennyi perevorot v Rossii [The industrial revolution in Russia]. Moscow, 48 p. [in Russian]

Strumilin, 1960 – *Strumilin, S.G.* (1960). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii [Outlines Russian economic history], Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 548 p. [in Russian]

Strumilin, 1967 – *Strumilin, S.G.* (1967). Istoriia chernoi metallurgii v SSSR [The history of the steel industry in the USSR]. Moscow, 442 p. [in Russian]

Svirskii, 1890 – *Svirskii, V.F.* (1890). Fabriki, zavody i prochie promyshlennye zavedeniya Vladimirskoi gubernii [Factories, factories and other industrial establishments of the Vladimir province] Sost. tekhn. Vladimir. gub. zem. upravu, inzh.-tekh. V. F. Svirskii. Vladimir na Klyaz'me: Vladimir. gub. zem. uprava, 198 p. [in Russian]

Svyatlovskii, 1923 – *Svyatlovskii, V.V.* (1923). Istoriya ekonomicheskikh idei v svyazi s istoriei ekonomicheskogo byta [The history of economic ideas in connection with the history of economic life] Moscow: Mir, 397 p. [in Russian]

Ulozhenie o nakazaniyakh..., 1882 – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh [The Code on Criminal and Correctional punishments] (Dopolнено po Prodolzheniyu 1868 g. i pozdneishim uzakoneniyam): S raz'yasneniyami po resheniyam kassats. dep. Pravit. senata. 9-e izd., ispr. i dop. [Sankt-Peterburg], 1882, 783 p. [in Russian]

Ustav o promyshlennosti..., 1879 – Ustav o promyshlennosti fabrichnoi i zavodskoi [Charter on factory and factory industry] Izd. 1879 g. Sankt-Peterburg : Tip. 2 Otd. Sobstv. e. i. v. kantselyarii, [1879], 68 p. [in Russian]

Voloshinova, 2013 – *Voloshinova, I.B.* (2013). Osobennosti sistemy gornozavodskogo obrazovaniya na Urale v pervoi polovine XIX veka [Features of the mining industry education system in the Urals in the first half of the XIX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 7(33): v 2 ch, Ch. I., pp. 45-49. [in Russian]

Vysochaishiy manifest, 1861 – Vysochaishe utverzhdennyya Ego Imperatorskim" Velichestvom" 19 fevralya 1861 goda polozheniya o krest'yanakh", vyshedshikh" iz" krѣpostnoi zavisimosti [Most highly approved by His Imperial Majesty on February 19, 1861, the regulations on peasants who were released from serfdom] SPb., 1861, pp. 1-8. [2-ya pag.] [in Russian]

Yanzhul, 1884 – *Yanzhul, I.I.* (1884). Fabrichnyi byt Moskovskoi gubernii: Otchet za 1882-1883 g. fabrichnogo inspektora nad zanyatiyami maloletnikh rabochikh Moskovskogo okruga [Factory life of the Moscow province : Report for 1882-1883 of the factory inspector over the occupations of young workers of the Moscow district]. St. Peterburg: Tip. V. Kirshbauma, 144 p. [in Russian]

Yatsunskii, 1952 – *Yatsunskii, V.K.* (1952). Promyshlenniy perevorot v Rossii: k probleme vzaimodeistviya proizvoditel'nykh sil i proizvodstvennykh otnoshenii [Industrial revolution in Russia: on the problem of interaction of productive forces and production relations]. *Voprosy istorii.* 12: 48-70. [in Russian]

Формирование пролетариата в Российской империи: к вопросу об индустриализации в конце XIX века

Светлана Сергеевна Горохова ^{a, *}, Анна Владиславовна Попова ^a, Марианна Григорьевна Абрамова ^b, Павел Владиславович Никитин ^c

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

^c Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов социально-экономического устройства Российской империи в последние десятилетия XIX в. Авторы, понимая сложность задачи в рамках одного исследования, ограниченного рамками научной статьи, отразить все значимые характеристики этой стороны общественной жизни государства, сделали акцент на состоянии и уровне технического развития страны, вопросах становления крупной отечественной индустрии, специфике формирования фактически неизвестного ранее аграрной России рабочего класса (пролетариата), его места и роли в обновлении социально-экономической сферы общественной жизни и государственно-правового развитии Российской империи, формировании отдельного социального кластера женщин-работниц, использовании детского труда на фабричном производстве и его значении для развития индустриальных отношений. В статье отражены основные направления государственной политики того периода, направленной на достижение конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке. Авторы приходят к выводу, что государственная политика царского правительства, а также меры, проводимые фабрикантами и заводчиками на крупном промышленном производстве, для упрочения индустриального развития страны были значительными и, безусловно, позитивными.

Ключевые слова: социально-экономическая сфера жизни общества, пролетариат, индустриализация, фабричное производство, женский труд, быт рабочего.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: swettalana@yandex.ru (С.С. Горохова), anna0710@yandex.ru (А.В. Попова), abramova-m@mail.ru (М.Г. Абрамова), nikitinP2007@yandex.ru (П.В. Никитин)